

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА: СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

М.С.Черкасова

*Вологодский государственный педагогический университет, г. Вологда,
Российская Федерация*

Одним из плодотворных ракурсов рассмотрения всемирной истории может быть взгляд на неё через призму категорий «город и деревня», их непрерывного, как говорил Ф.Бродель, диалога. В дореволюционной литературе были созданы два исследования о взаимодействии в русской истории города и деревни: Н. А. Рожковым в историко-социологическом [1], а В. П. Семеновым Тянь-Шанским - в экономико-географическом ключе [2]. Еще в науке Нового времени сложилось противопоставление города и деревни (=аграрного мира), однако в современном знании столь резкая антитеза не признаётся оправданной. Как пишет А.П.Ястребицкая, структурные особенности городской жизни не исключали её органической включенности в единую социальную и культурную систему средневековья [3, с.113].

В рамках цивилизационного подхода исследователи установили этапы и типологию урбанизационного процесса, его трансисторическое разворачивание, стадийные типы урбанизма. В исторической, урбан-социологической, экономико-географической литературе город понимается как инструмент и фактор перехода человеческого общества от первобытности к состоянию цивилизации. В дальнейшем он исполнял роль перевода человечества на новый уровень развития, а урбанизация - это структурообразующая цивилизационного процесса. Можно говорить об античном, средневековом, капиталистическом, социалистическом, колониальном («третьем мире»), латиноамериканском и постиндустриальном урбанизме. Крупный современный востоковед, автор серии новаторских учебников по истории Востока и Запада, Л.С.Васильев именно с урбанизации ведёт отсчёт древнейшим цивилизациям [4, с.71-72]. На Востоке они, будучи первыми по времени появления, существенно отличались от античной цивилизации (последующей).

Древневосточный феномен урбанизации выразился прежде всего в монументальном строительстве храмов, дворцов, мавзолеев, пирамид, каналов, дамб и т.п. Здесь преобладающее значение приобрел институт власти-собственности, всеобъемлющая государственная регламентация общества, торгово-ремесленное население городов эксплуатировалось государством (это можно будет отнести в дальнейшем и к Византии). Напротив, в греко-римских городах-полисах сложились более развитые частнособственнические, товарно-денежные отношения, система демократического самоуправления и начала гражданского общества, уважение к праву и закону [4, с.17-18].

В коллективной монографии медиевистов средневековый западноевропейский город представлен как сосредоточение товарообмена и товарного (по преимуществу ремесленного) производства, институтов власти, религиозного культа и культуры. В городах раннего средневековья были еще весьма ощутимы аграрные черты, неполнота отделения от деревни, связь горожан с землей [5]. Импульсы хозяйственного подъёма, приведшего в XI-XIII вв. в новой волне урбанизации, исходили из деревни. Ф.Бродель пишет, что вторжение сельскохозяйственной деятельности в жизнь городов свидетельствует об их недостаточной специализации, несовершенстве общественного разделения труда. Этот фактор развития средневековых городов действовал

очень длительное время. [6, с.184]. Столь же долго сельская округа оставалась источником демографического роста городов. Ф Бродель образно называет подобные округа «демографическим бассейном», своего рода людским заказником, которыми обладал каждый город [6, с.198]. Преобладание сельского начала над городским Бродель считает характерной особенностью Европы до XV в., а затем утверждается город как высшая форма цивилизации.

При определении типа западноевропейских городов в ходе их дальнейшей эволюции (XIV-XV вв.) основным эмпирическим показателем, по мнению Л.П.Репиной, может служить масштаб зоны их регулярных товарообменов, характер рыночных связей. Город и его периферия были не автономными, а взаимно соотнесенными структурами, и чем больше был радиус базового ареала, тем дальше проникали и шире распространялись устойчивые хозяйственные, управленческие и культурные функциональные связи города [5, с. 169].

В коллективной монографии востоковедов подчеркивается огромное влияние, оказываемое урбанизацией на ослабление средневекового партикуляризма, унификацию общественных условий и консолидацию новых классов и социальных слоев. И. А. Зевелев пишет о социально-трансформирующем, преобразующем потенциале городов в переходную эпоху от традиционного к индустриальному обществу, имея в виду размер, численность, темпы роста городов, их вклад в модернизацию экономики [7, с.324]. В работе дан комплексный анализ глобальных систем Востока и Запада как «мировой деревни» и «мирового города»: в первой была воплощена устойчивость, неподвижность, патриархальность, сращенность коллектива и индивида с местами проживания и присвоения производительной силы земли. Во второй - динамичность, гибкость и неустойчивость.

Город и деревня на Востоке и Западе анализируются как разные типы поселений, две ветви социально-территориальной организации общества. Коммуникационным каналом, через который устанавливаются связи между городом и деревней, служила сельско-городская миграция. Ее инструментальную функцию авторы видят в подтягивании населения с периферии к центрам формационного процесса. В ходе модернизации стран Востока во второй половине XX в. ускорялось влияние городов как вширь (по всему общественно-историческому пространству афро-азиатского региона), так и вглубь (по всем ступеням его социальной структуры сверху донизу). Авторы говорят о городских отношениях на Востоке - новое индустриальное качество им придавала усиливающаяся производственно-рыночная интеграция города и деревни.

Органической частью процесса модернизации на Западе в XVIII-XIX вв. стал «демографический переход»: увеличение брачного возраста, рациональные ограничения рождаемости, снижение смертности, повышение продолжительности жизни. На уровне ментальном преодолевались традиционно-христианские представления о браке как таинстве, его священных узлах, назначении семьи и детей. Однако в России процесс демографического перехода начался значительно позднее.

В двухтомной монографии Б. Н. Миронова одна из глав называется «Город и деревня в процессе модернизации». Урбанизацию, наряду с индустриализацией, социальной мобильностью и распространением печатного слова, автор считает мощным двигателем процесса модернизации России в XVIII-XIX вв., понимаемого как капиталистическая эволюция [8, с.282].

Процесс горообразования в России в эпоху позднего феодализма в значительной степени был стимулирован правительственными распоряжениями, а не ураган-

ным, как на Западе, процессом урбанизации в ходе капиталистической модернизации. В XVIII в. в России доля городского населения, служащая показателем уровня урбанизации, составляла не более 11-13% [9, с.193], и в документах Екатерининской административной реформы 1775-1785 гг. город понимался прежде всего как центр своего окружения, учрежденный «для доставления жителям ближайшего суда и расправы». В последней четверти XVIII в. в России в результате повышения статуса сёл и слобод в стране возникло 165 новых городов. На местах создается разветвленная система управления (городские собрания и думы, губернские и уездные магистраты, казенные палаты, управы благочиния, приказы общественного призрения, многочисленные судебные органы). Проведя глубокое источниковедческое изучение основных комплексов делопроизводственной документации местных учреждений городов Тверской губернии конца XVIII в., Н.В. Середа высказала мнение, что уровень урбанизации может определяться по степени разделения функций между органами городского самоуправления, по степени административно-правовой культуры тех, кто управляет [10, с.225].

Б. Н. Миронов показал иерархическую систему городов в России XVIII-XIX вв.: столичные, губернские, уездные, безуездные города, большие и малые посады, отражавшую в себе пережиточные феодально-крепостнические и новые буржуазно-капиталистические элементы [11, с.221]. Согласно предложенной им функциональной классификации городов России, во второй половине XVIII в. лишь 5-7% из них могут быть отнесены к торгово-промышленным, большинство же являлись аграрными городами: в 1760-е годы их было 59%, в 1790-е - 54%. Промежуточное положение занимали города смешанного типа, составлявшие в 1760-1790-е годы 30-36%. Б. Н. Миронов отмечает, что в малых, преимущественно аграрных, городах, состоявших главным образом из мещан-земледельцев, быт последних мало отличался от деревенского [8, с.297, 309, 499]. Автор имеет в виду, в том числе, и социальный быт, сохранение отношений общинного типа в купеческих, мещанских и ремесленных обществах. Таким образом, традиционализм как тип развития оставался ещё весьма существенной чертой социально-экономической эволюции России в эпоху нового времени.

О традиционализме можно говорить и обратившись к демографическим процессам. Применительно к России XVIII-XIX вв. они плодотворно изучаются на внушительной источниковой базе исповедных и метрических книг, материалов десяти ревизий, позволяющих раскрыть основные моменты движения народонаселения – рождаемость, брачность и смертность. Работы ведутся как на микро- (двор, селение), мезо- (уезд, губерния), так и макроуровне (крупные регионы, страна в целом) [12, с.455-483]. Применяются как общестатистические, так и методы моделирования, когортного анализа, ВИС («восстановления истории семей»), исторической генеалогии, микро- и устной истории. Исследования показывают, что в России в указанные столетия ещё сохранялась традиционная модель демографического развития: высокая рождаемость, компенсируемая столь же высокой смертностью (особенно младенческой и детской, достигающей порой 50 %), ранний брачный возраст, слабое проявление рациональных основ в регулировании рождаемости.

В совместном исследовании М.Миттерауэра и А.Кагана были обработаны данные третьей ревизии в Ярославской губернии (1762-1763 гг.), для населения которой были характерны смешанные формы аграрно-ремесленного труда, высокий уровень отходничества в города Поволжья. В результате было установлено принципиальное сходство семейных структур у деревенского и городского населения, их двух- или трёхпо-

коленный состав, патрилинейность как базовый принцип построения и вообще преобладание принципа старшинства по мужской линии, когда зачастую в домовом сообществе жили вместе женатые братья со своим потомством или отец с женатым сыном и его детьми [13, с.49-51, 67].

Интересный опыт исследования демографического поведения городского и сельского населения пореформенной России предложил В.Л.Дьяков. По его мнению, город и деревня представляли собой разносистемные образования, демографические типы поведения городского и сельского населения существенно отличались. Если для первого было характерно более равномерное, несмотря на церковные ограничения, помесячное распределение заключаемых браков и регистрируемых рождений, то для второго присущи природно-хозяйственные ритмы, заключение браков в более сытые месяцы (октябрь, ноябрь, январь). Мощный прилив крестьян в города пореформенной России, целая их волна - всё это можно рассматривать как способ избавления деревни от лишних ртов. Произошёл не плавный демографический переход, не щадащая адаптация, а болезненная ломка прежних биоритмов, сопровождаемая выбросом социокультурной и социально-политической агрессии [14, с.219-230].

Традиционализм сознания сказывался и в области трудовой этики, понимании того, как и во имя чего люди работают. Распространённым в старой России было минималистско-потребительское понимание труда (ради элементарного выживания, получения хлеба насущного, одежды, жилья). Буржуазное же понимание труда с его ориентацией на максимальную прибыль было чуждо массе русских крестьян и рабочих [15, с.69-115]. Элементы новой трудовой культуры находили почву лишь в узком слое рабочей аристократии. Труд и богатство оказались сильно разведёнными в народном сознании, ломка стереотипов в нём создавала огромное социальное напряжение, порождала конфликты и агрессию, наложила несомненный отпечаток на ход модернизационного процесса и последующие события нашей истории в XX в. [16, с.243-286].

ЛИТЕРАТУРА

1. Семёнов Тянп-Шанский В.П. Город и деревня Европейской России. Очерк по экономической географии. – СПб., 1910.
2. Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России). – М., 1901.
3. Ястребицкая А.Л. Город // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я.Гуревича. 2-е изд. – М., 2007.
4. Васильев Л.С. История Востока. – М., 1998. – Т. 1.
5. Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Под ред. А.А.Сванидзе Т.1. – М., 1999.
6. Бродель Ф. Что такое Франция? – М., 1997. – Т. 2.
7. Город в формационном развитии стран Востока / Отв. ред. Н.А.Симония. – М., 1990.
8. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб., 1999. – Т.1.
9. Горская, Н.А. Историческая демография России периода феодализма. Итоги и задачи изучения. – М., 1994.
10. Середа, Н.В. Реформа управления Екатерины Второй. Источниковедческое исследование. – М., 2004.

11. Миронов, Б.Н. Русский город в 1740-1760-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – М., 1990.
12. Канищев, В.В., Мизис Ю.А. Методологические проблемы интегрального социально-демографического исследования истории России XIX – начала XX в. // Actio Nova-2000 / Отв.ред.А.И.Филюшкин. – М., 2000.
13. Миттерауер, М., Каган А. Структуры семьи в России и в Центральной Европе: Сравнительный анализ // Семья, дом, узы родства в истории / Под общ. ред. Т.Зоколла, О.Кошелевой и Ю.Шлюмба. – СПб., 2004.
14. Дьяков, В.Л. О женской доле, мужской роли и нашем месте под солнцем, или о том, что бывает за неправильное или несознательное демографическое поведение // Социальная история. Ежегодник.2000. – М., 2000.
15. Тяжелникова, В.С., Соколов А.К. Отношение к труду: факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002 г. – М., 2004.
16. Миронов, Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял чёрт охоту»: трудовая этика русских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. – М., 1999.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ РЕКРЕАЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Л.Н. Черчик

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

Стремительный экономический рост 60-х годов двадцатого столетия завершился глобальным кризисом, который имел всеохватывающий, системный характер. Понимание этого привело к разработке концепции устойчивого развития мира, поддержанной правительствами многих стран на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992 г.). План действий, принятый на этой конференции, определял направления деятельности и меры по преодолению наиболее опасных и глобальных экологических проблем. Тем не менее подведенные итоги его выполнения (Международный экологический форум "Рио+5", "Рио+10") продемонстрировали ограниченность и локальность действий отдельных государств, которые не обеспечат кардинальных изменений состояния дел на нашей планете.

Ученые Украины активно работают над программами, национальными и региональными стратегиями устойчивого развития, которые были бы направлены на гармонизацию взаимодействия природы, общества, экономики. Ныне мы владеем значительным теоретико-методологическим потенциалом для всестороннего обоснования действий человечества во всех сферах деятельности, нацеленных на экологизацию экономики, изменение потребительских приоритетов и антропоцентрических амбиций.

Изучая сферу рекреационного природопользования, мы пришли к выводу, что необходимо работать над разработкой не отдельных экономических механизмов или аспектов экологического управления, а системных, всеохватывающих изменений, которые органически объединяли бы экологическую, социальную, экономическую компоненты развития мира. Результат наработок – концепция социоэкологоориентированного рынка рекреационных ресурсов и механизмы ее реализации.